

проблем ФГБУН Омский научный центр СО РАН (644024, г. Омск, проспект Карла Маркса, 15 e-mail: kloginov85@mail.ru)

Лагздин Артем Юрьевич (Омск, Россия) – кандидат физико-математических наук, научный сотрудник комплексного научно-исследовательского отдела региональных проблем ФГБУН Омский научный центр СО РАН (644024, г. Омск, проспект Карла Маркса, 15, e-mail: art.lagzdin@gmail.com)

Konstantin K. Loginov (Omsk, Russian Federation) – candidate of physical and mathematical

sciences, researcher of the complex scientific and research department of regional problems of the Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (644024, Russia, Omsk, Marks avenue, 15, e-mail: kloginov85@mail.ru).

Artem Yu. Lagzdin (Omsk, Russian Federation) – candidate of physical and mathematical sciences, researcher of the complex scientific and research department of regional problems of the Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (644024, Russia, Omsk, Marks avenue, 15, e-mail: art.lagzdin@gmail.com).

УДК 331.44

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ЭТИКИ И БИЗНЕСА

В.П. Плосконосова

ФГБОУ ВО «СибАДИ», Россия, г. Омск.

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы взаимосвязей этики и бизнеса, показана ограниченность конкурирующих нормативной и ценностно-нейтральной концепций. Исходя из этого представлен основанный на системно-эволюционной парадигме структурно-функциональный подход, в соответствии с которым складывающиеся в обществе социально-экономические процессы характеризуются их функциональной направленностью, культурно-ценностными ориентирами и организационно-институциональными формами. Культурно-ценностная система рассматривается как специфический вектор, который формирует ключевые ориентиры развития социально-экономических процессов, и в свою очередь, испытывает воздействие всех других сфер общества. Рассмотрена особенность взаимосвязей этики и бизнеса в современных условиях, проблемы, возникающие при этом, а также пути их разрешения.

Ключевые слова: этика, бизнес, экономика, социально-экономическая трансформация, предпринимательство, нормативно-ценностные ориентации, организационно-институциональная система, государственная политика.

Введение

Вступление мирового хозяйства в турбулентный период развития и необходимость радикальной трансформации институтов усиливают интерес экономистов к переосмыслению методологических основ экономической науки и теории бизнеса с учетом возрастающей роли в современной экономике этических факторов, которые недооцениваются сторонниками мейнстрима. Осознание тесной взаимосвязи таких явлений как «этика» и «бизнес» способствует тому, что теоретическое и практическое решение проблем социально-экономического развития оказывается более продуктивным при привлечении этического подхода. Как отмечает А. Сен [1, с.23], «сущность современной экономической науки была значительно обеднена из-за возникшей дистанции между экономикой и этикой». В связи с этим в настоящее время возникает

настоятельная необходимость парадигмального переосмысления утвердившихся представлений о роли нравственных ориентиров и этических факторов в организации предпринимательской деятельности и выработки исследовательского инструментария, позволяющего реалистично интерпретировать взаимоотношения бизнеса и общества.

Теоретико-методологические основания анализа взаимосвязей этики и бизнеса

В реальной хозяйственной жизни предпринимательская деятельность определяется весьма широким спектром мотиваций, обусловленных наличием разнообразных связей с обществом и необходимостью оценки различных возможных вариантов поведения с учетом ограниченности материальных и нематериальных ресурсов, а также

неопределенности изменения деловой среды. Социально-экономические структуры деловой среды и индивидуальное поведение предпринимателей выступают как относительно самостоятельные и взаимодополняющие элементы окружающей действительности, определяя двойственность хозяйственной жизни. В связи с этим можно выделить два основных компонента, формирующих мотивы бизнеса, расчетливо - рациональный (цели – рациональный) и этический (ценностно-рациональный). На протяжении большей части XX в. доминировало представление о том, что поведение хозяйствующего субъекта можно интерпретировать как рационального максимизатора прибыли (полезности), но уже в этот период начинают высказываться идеи, указывающие на его явную несостоятельность.

Сегодня центральное место в критике мейнстрима отводится положению о том, что в нем акцент сделан лишь на одном человеческом качестве – расчетливости (*prudence*). Расчетливость как таковую не следует отвергать и необходимо рассматривать, как одну из качеств, наряду с другими. В связи с этим Д. Макклоски отмечает, что расчетливость присуща не только человеку, но, например, крысе, ищущей сыр, или даже ростку травы, пробивающемуся к свету. Однако такие качества (или добродетели), как умеренность и смелость, любовь и справедливость, надежда и вера, свойственны исключительно человеку. В отличие от расчетливости, которая характеризует любую форму жизни и квази-жизни, вплоть до бактерий и вирусов, другие, не связанные с нею качества являются характеристиками человеческой уникальности, а также человеческой речи и смыслов. Всю совокупность качеств и мотиваций предпринимателя, определяющих выбор модели его поведения нельзя сводить только к расчетливости, ориентированный на максимизацию полезности (*Max U*), которая в отсутствие других качеств и импульсов поведения трансформируется в порочность [2].

Складывающиеся в национальной экономике процессы взаимодействия ее субъектов выражают в рамках культурно-исторического контекста единство процессов ценностно-смыслового восприятия ими действительности и выработки институциональных практик, с помощью которых реализуются утвердившиеся в

обществе смысложизненные ориентиры. Признание ценностных критериев в качестве основополагающих факторов социально-экономической динамики имеет широкий круг сторонников, среди них выдающиеся мыслители античности – Платон, Полибий и Сенека, философы эпохи просвещения, в том числе Ш.Л. Монтескье, Э. Гоббон, Г. Гегель и А. Швейцер; в XX в. широкую известность приобретают работы О.Шпенглера, А.Тойнби, А. Кребера, Э. Калло и П. Сорокина. Отказ от упрощенных представлений, связанных как с недооценкой роли ценностно-смысловых факторов в системе социально-экономической детерминации, так и с её гипертрофированным представлением, предполагает учет противоречивого взаимодействия аксиологических, онтологических и гносеологических компонентов в социально-экономических процессах [3].

Исследование проблематики взаимосвязей этики и бизнеса имеет давнюю традицию, заложенную в трактатах Ксенофонта, Аристотеля, сочинениях средневековых религиозных авторитетов, в их числе Фомы Аквинского, в работах А. Смита и его последователей, проводивших экономические исследования с позицией моральной философии. Внимание к этической проблематике за последние 40 лет существенно усилилось во многом благодаря работам Дж. Ролза, Р. Нозика, А. Сена и других ученых, что способствовало разработке концепций нормативной экономической науки в различных школах экономической мысли.

Однако, как отмечает И. ван Ставерен, альтернативные подходы, сложившиеся сегодня в рамках позитивной и нормативной концепций, остаются неудовлетворительными, так как исходят из дихотомии между нормативной и позитивной экономической наукой [4]. Сделав акцент на эффективности, он оспаривает мнение о неизбежном противоречии между эффективностью и справедливостью. Вместо этого он утверждает, что понятие эффективности не является ценностно нейтральным. На него влияют эпистемологические (элегантность, равновесие) и методологические (ускоренные в конкретных этических традициях – утилитаризме, либертарианстве) ценности. Ценностную природу имеют категоризация (что включено в оценку, а что – нет) и система мер (удовлетворение желания, доход, ресурсы). Понятие эффективности носит этический характер не потому, что исключает

справедливость (как предполагается в рамках дихотомии нормативное/позитивное), а потому, что в нее включены ценностные ориентации. Это касается и Парето-эффективности, хотя соответствующая концепция была разработана в 1930-е годы, в период сильного влияния в экономической науке позитивизма.

Для исследования процессов взаимосвязей этики, экономики и бизнеса целесообразно использовать основанный на системно-эволюционной парадигме структурно-функциональный подход, в соответствии с которым процессы в обществе различаются по их функциональной направленности, организационно-институциональной и культурно-ценностной совместимостью. При этом используемые в рамках данного подхода концептуальные положения состоят в следующем: 1) экономика как одна из общественных подсистем проявляет себя через выполнение некоторого набора системных функций, обеспечивая определенный вклад в функционирование других подсистем и общества в целом; 2) этот вклад зависит от культурно-ценностных ориентаций экономических субъектов и организационно-институциональной системы, которые находятся в сложной и противоречивой взаимосвязи и взаимозависимости.

Институциональная и морально-культурная системы, несмотря на определенную автономность и собственную логику изменений, не замкнуты. Институты встроены в общество, его мораль и культуру, а также в социальную структуру, которые воздействуют на параметры ее функционирования и потенциал трансформации. Институциональная система в каждый момент времени основана на определенном наборе ценностей, поддерживает определенную «моральную конструкцию» социальных практик, имеет моральное измерение [5]. В свою очередь, морально-культурные нормы и ценности также испытывают воздействие со стороны институциональных факторов. Поведение предпринимателя всегда является социальным; индивидуальный выбор формируется под воздействием не только рационального личного интереса, но и моральных ограничений, социальных обязательств и ожиданий, которые ограничивают спектр выбора, как целей, так и средств их достижения. Следование моральным нормам может быть рациональным и приносить выгоду всем заинтересованным сторонам.

Рациональность различается у разных людей; существует несколько типов и видов рациональности.

Предпринимателям одновременно присущи как эгоистические, так и морально-культурные устремления, которые могут находиться в конфликте друг с другом, что приводит к разнообразным последствиям. Вместе с тем укорененные нормы и ценности, могут делать легитимными разные виды угнетения и запретов, поддерживать «искаженные» представления и предпочтения, тем более что индивиды часто «подгоняют» их под занимаемые социальные позиции. Поэтому не следует игнорировать когнитивный элемент ценностей и «дерационализировать» их.

В разнообразных институциональных сферах общества (научно-технической, экономической, экологической, правовой, политической и т.д.) складываются свои особые виды деятельности людей и свои ценностно-смысловые структуры, позволяющие вырабатывать и выбирать желательные формы и пути развития процессов в данных сферах в сложившихся культурно-исторических условиях. Многообразные процессы, развивающиеся в обществе как целостном образовании, регулируются многоуровневой и динамичной системой ценностного восприятия мира, выражающей сложные и противоречивые связи между разными видами ориентаций: ценностно-интегративными и дифференцированно-инструментальными, идеологическими и обыденными, долговременными и краткосрочными, консервативными и инновационными и т.д. [3]. Возникающая на основе опыта иерархическая система культурно-ценностных ориентаций пронизывает все сферы жизнедеятельности общества, все формы его сознания. Вместе с тем в социально - экономических процессах проявляется сложная взаимосвязь ценностно-когнитивных и инструментально-когнитивных компонентов, которые могут находиться не только в отношениях соответствия, но и в отношениях острого конфликта, что проявляется в противоречивости взаимодействия культурного и институционального порядка.

Взаимосвязь морально-культурной и институциональной системы предполагает, во-первых, наличие определенных границ возможных изменений последней, в рамках которых сохраняется устойчивость социально-экономического развития общества, выход за границы означает установление уровня доверия к власти и

важнейшим институтам ниже критической отметки, утраты их лигитимности, что приводит к деградации экономических структур и связей; во-вторых, реалистичное отображение нравственных ориентиров в институциональном устройстве общества и принципов социальной справедливости является ключевым фактором успешного развития национальных экономик. Так, авторитетные эмпирические исследования свидетельствуют о том, что устранение чрезмерной дифференциации доходов населения и повышения справедливости при распределении благ в обществе способствует росту производительности и конкурентоспособности экономики.

Особенности взаимосвязей этики и бизнеса в современных условиях

Во взаимосвязи морально-культурной и институциональными системами проявляется противоречия между общими и частными выгодами. При этом в начале третьего тысячелетия новые подтверждения находит оценка известного либерального экономиста Людвиг фон Мизеса, который отмечал, что «частная собственность не является привилегией владельца собственности, а является общественным институтом, служащим добру и выгоде всех, несмотря на то, что она может в то же время быть особенно приятной и полезной для некоторых»[6].

Институциональная система, устанавливая правила поведения бизнеса и относительное соотношение между размерами вознаграждения за разные виды деятельности, играет ключевую роль в распределении предпринимательского ресурса между производительными и непроизводительными ее видами, а также в формировании динамики роста производительности экономики. Сегодня непроизводительное предпринимательство принимает множество самых различных форм, связанных с направлением предпринимательских усилий, и творческих способностей на поиск ренты непроизводительного характера; государство должно уделять внимание именно тем областям, в которых наиболее высока вероятность подобных форм недобросовестного бизнеса. Государственная политика способна влиять не только на распределение предпринимательского ресурса между производительными и непроизводительными видами деятельности, но и на динамику общей численности

предпринимателей. Если система ценностей в обществе уже ориентирована на современную модель экономического роста, то наиболее эффективным направлением достижения успеха становится трансформация институциональных структур [7,8].

Необходимость осуществления модернизационных изменений в российской экономике с соответствием с общемировыми трендами вызывает потребность активного использования успешных практик ведущих стран. Вместе с тем важно принимать во внимание, что эти страны вступили в фазу фундаментального перелома социально-экономических и научно-технических основ развития.

Во второй половине XX в. под влиянием новых социально-экономических и научно-технических условий и вызовов в западных странах на законодательной основе произошло существенное расширение нормативных границ социальных обязательств государства и бизнеса, усиление роли предпринимательской этики, снижение дифференциации доходов населения, социально-экономической напряженности и рост уровня доверия в обществе. Это способствовало значительному повышению качества человеческого капитала, формированию массового среднего класса, который создал социальную базу устойчивого и динамичного развития общества, малого и среднего бизнеса, активного осуществления инновационных изменений в экономике, ее переходу от индустриальной модели к постиндустриальной. Так, новый социально-экономический курс государственной политики, проводимый в США, начиная с 1930-х годов, сопровождавший налоговой реформой и введением высокой ставки налогов на наследование дорогой личной недвижимости, вызвал рост стимулов производительного инвестирования, вертикальной мобильности социальных групп и ограничение власти наиболее состоятельных граждан, доля 1% которых в национальном богатстве за 1930-1975 гг. сократилась с 30 до 18 %.

В условиях необходимости перехода от индустриальной экономики к принципиально новой ее модели развернувшийся в 1980-1990 гг. процесс трансформации западных стран был ориентирован на осуществление преобразований в экономике на основе смены доминирующих нормативно-ценностных представлений о социальной

ответственности государства и бизнеса исходя из неолиберальной доктрины воинствующего индивидуализма. Это сопровождалось резким усилением социальной дифференциации и изменением структурного облика общества, размыванием и ослаблением роли нормативно-ценностных ориентиров в формировании бизнес-среды, появлением новых форм и ростом масштаба псевдопредпринимательства и криминальных бизнес-практик, а также трансформацией сложившейся в XX в. двухуровневой структуры предпринимательства, нижний уровень, которого образует многочисленный малый и средний бизнес, действующий в условиях конкуренции, а верхний-крупнейшие 150 транснациональные корпорации (ТНК), которые сегодня контролируют через схемы прямого и перекрестного владения активов около 40% мировых доходов.

В настоящее время особую роль в выработке государственных решений играют политико-административные сети, хотя их влияние на государство зависит от качества институтов, социокультурной среды и уровня гражданского контроля, однако их доминирование приводит к тому, что государственные органы часто превращаются в фикцию, не связанную с принятием реальных решений. Приоритетом становятся неформальные способы согласования и пакетные соглашения различных коалиций правящей элиты, а публичность обретает сугубо пропагандистский характер. А перед гражданскими структурами возникают еще более высокие, практически непреодолимые барьеры для участия в принятии решений. Все это дает основание ряду ученых рассматривать не только принятие решений, но и саму политику как исключительно «сетевой феномен». Трансформации внутреннего пространства государства под сетевым давлением значительно сужают пространство возможностей граждан. Это создает преимущество весьма узкому кругу коалиций правящего класса, которые используют психологические, социокультурные и другие технологии для реализации своих целей [9, 10].

Складывающийся на основе реализации неолиберальной доктрины в современной реальности новый облик социально-экономической структуры общества является ключевым фактором, определяющим культурно - ценностные ориентации, особенности формирования сетевых структур и изменения экономико-институционального ландшафта. Сформировавшиеся в последние

десятилетия тенденции опережающего роста доходов от капитала сопровождалась снижением доли трудовых доходов и усилением неравномерности в распределении доходов, что как указывают лауреаты Нобелевской премии П. Кругман и Дж. Стиглиц, весьма негативно сказалось на решении проблемы занятости и повышения производительности экономики. Так, за последние тридцать лет доля трудовых доходов в ведущих развитых странах уменьшилась на 5-10 п.п. и более; в США доля 1% самых богатых граждан в национальном богатстве увеличилась с 18 до 37%, а осуществленное в стране снижение налоговой ставки на высокие доходы способствовало росту расточительного потребления и не создало должных стимулов на накопления капитала.

Глубокие структурные перемены, переход к неолиберальной модели и политике гибкости рынка труда и занятости способствовали появлению нового социального класса-прекариата, который находится в наиболее социально не защищенном и в наиболее уязвимом положении и достигает во многих странах 30-40% численности трудоспособного населения. Он пополняется за счет работников разных сфер экономики, с которыми заключаются практически без социальных гарантий краткосрочные договора и многие из которых вовлечены в «теневой» сектор. Появление нового класса порождает разнообразные деструктивные последствия; у многих наблюдается духовно-нравственная деградация личности [10].

Усложнение предпринимательской среды сопровождалось появлением разнообразных позитивных и негативных экстерналиев, плохо регулируемых механизмами рынка и неолиберальными методами государственного регулирования, приводило к возникновению в законодательстве «лакун», высокодоходных предпринимательских стратегий, ориентированных на поиск и применение аморальных и формально не запрещенных «оптимизационных схем», а также и различных видов распределительной ренты. В условиях финансиализации, появления множества сложных финансовых инструментов и низким уровнем государственного контроля ключевые тренды глобальной и национальной экономике формируются не столько рыночными механизмами, сколько скрытыми соглашениями крупнейших корпораций, спекулятивной финансовой игрой на

фьючерсах и опционах, инсайдерскими операциями глобальных финансовых пулов. В таком контексте предпринимательство в классическом (традиционном или, напротив, шумпетеровском) смысле слова все более явно вытесняется финансовой и рыночной игрой, в которой предприниматель любого масштаба – уже не игрок и даже не «ферзь», а «пешка» или, в лучшем случае, второстепенная «разменная» фигура для реальных игроков [11]. Поэтому при выборе в качестве образцов тех или иных институциональных практик необходим их критический анализ, иначе возникает большая вероятность переноса в российскую экономику широкого спектра трудноразрешимых проблем.

Проведение в последние десятилетия в нашей стране социально-экономической политики, ориентированной на использование неолиберальных ценностных установок и методов не позволило решить задачи создания благоприятной бизнес-среды для осуществления инновационной модернизации и преодоления технологического отставания от развитых стран; произошел структурный сдвиг в сторону сырьевых отраслей и рентоориентированного предпринимательства; Сегодня наша страна лидирует в мире по неравенству в распределении богатства. По результатам авторитетного исследования, проводимого банком Credit Suisse, на долю самых богатых 1% россиян приходится 71% всех активов домохозяйств в стране, а 110 семей олигархов распоряжаются 35% активов. При этом в следующих за Россией (среди крупных стран) по этому показателю Индии и Индонезии этот показатель составляет соответственно 49% и 46%. В среднем в мире он равен 46%, в Африке - 44%, в США - 37%, в Китае и Европе - 32%, в Японии - 17%. Россия лидирует в мире по доле самых обеспеченных 5% населения - владеют 82,5 % всего богатства домохозяйств страны, 10 % населения владеют - 87,6%, и по коэффициенту Джини распределения богатства (0,84) [12]. Существующая огромная дифференциация доходов и богатства в России основывается на перекосах в системе налогообложения, сложившихся в пользу высокодоходных групп, высоком уровне коррупции и теневой экономики, низком уровне ответственности государственной бюрократии и менеджеров крупных компаний за результаты своей деятельности.

Для выхода из крайне сложной ситуации необходима смена социально-экономической модели и переход на траекторию неоиндустриального развития в соответствии с новыми угрозами и вызовами. Это предполагает переформатирование культурно-ценностных установок и организационно-институционального устройства бизнес-среды, позволяющее создавать более справедливые и продуктивные правила осуществления вертикальных и горизонтальных связей, распределения ресурсов и формирования доходов экономических субъектов, обеспечивая высокие стимулы для добросовестного бизнеса, роста доверия и генерирования инновационно-синергетических эффектов в результате развития кластеров и кооперационных взаимодействий, приобретающих в современных условиях особую значимость.

Для запуска прорывных механизмов активизации инновационно-инвестиционной деятельности важно кардинально пересмотреть принципиальные основы архаической российской системы налогообложения с учетом успешного опыта зарубежных стран [13,14]. В промышленно развитых странах за счет использования прогрессивной шкалы на долю подоходного и социальных налогов приходится 60-70% налоговых поступлений, соответственно, многократно меньше доля налоговых изъятий из прибыли (а в нашей стране противоположная ситуация). Это стимулирует производительное предпринимательство, накопление и использование капитала. Необходимо проводить в стране политику ускоренной амортизации, обеспечив увеличение доли амортизации в финансировании инвестиций до уровня индустриально-развитых стран.

Заключение

Важнейшим недостатком современных подходов к формированию деловой среды является рассмотрение ценностно-нормативных установок лишь как некоего второстепенного элемента в построении институциональной системы национальной экономики, исходя из абсолютизации эластичности их связи. Вместе с тем важно учитывать, что складывающиеся на основе возрастающей рефлексивности действий акторов социально-экономическая трансформация выражает сложную и неожиданную взаимосвязь нормативно-символических и институциональных изменений

[15]. Траектория данных изменений определяется тем обстоятельством, что ценностно-смысловые ориентиры могут выступать не только в качестве нормативных предписаний этической рациональности, но и в качестве ключевых характеристик организации хозяйственной жизни, власти и общества, конкретно-временных системообразующих норм, которые задают институциональный стандарт оценок, используемых правящей элитой и обществом для диагностики социальных коммуникаций и хозяйственных изменений общества.

Библиографический список

1. Сен, А. Об этике и экономике / А. Сен. – М.: Наука, 1996. – 315 с.
2. McCloskey D.N. *Bourgeois Dignity: Why Economics Can't Explain the Modern World*. Chicago: University of Chicago Press. 2010, P.17-26.
3. Плосконосова, В.П. Структурирование правящей элиты и формирование траектория социальных изменений / В.П. Плосконосова. – Омск, 2008. – 193 с.
4. И. ван Ставерен Этика эффективности / И.ван Ставерен // Вопросы экономики. – 2009. – №12. – С. 59.
5. Шабанова, М. Этичное потребление в России: профили, факторы, потенциал развития / М. Шабанова // Вопросы экономики. – 2015. – № 5. – С. 75-103.
6. Мизес, Л. Либерализм и классические традиции / Л. Мизес. – М.: Ж Дело, 1995. – 235 с.
7. Баумоль, У. Предпринимательство: производительное, непроизводительное и деструктивное / У. Баумоль // Российский журнал менеджмента. 2013. – Том 11. – № 2. – С.61-84.
8. Плосконосова, В.П. Деловая среда развития малого предпринимательства и формирование предпринимательской ренты / В.П. Плосконосова, Е.В. Романенко // Вестник СибАДИ. – 2012. – № 1 (23). – С. 116-120.
9. Соловьев, А.И. Государственные решения: концептуальный простор и тупики теоризации / А.И. Соловьев // Политические исследования. – 2015. – № 3. – С. 127-146.
10. Бирюков, В.В. Социокультурные изменения в современном мире: механизмы осуществления / В.В. Бирюков, В.П. Плосконосова // Инновационная экономика и общество. – 2015. – №4 (10). – С. 87-93.
11. Черной, Л.С. Предпринимательская этика и экономическое развитие: парадоксы современности / Л.С. Черной // Экономическая наука современной России. – 2014. – №4. – С.49-63.
12. Credit Suisse Research Institute, 2012, 210 p.
13. Соколов, М.О. Поиск финансовых резервов для ускорения экономического роста России / М.О. Соколов // Общество и экономика. – 2015. – №6. – С.49-75.
14. Бирюков, В.В. Промышленная политика в условиях неоиндустриализации: подходы к

формированию/ В.В. Бирюков, В.П. Плосконосова // Вестник СибАДИ. – 2015. – № 3 (43). – С. 84-92.

15. Бирюков, В.В. Социальные трансформации и модернизация российского общества / В.В. Бирюков, В.П. Плосконосова, П.В. Ополев. – Омск, 2013. – 265 с.

FEATURES OF INTERRELATIONS OF ETHICS AND BUSINESS

V. P. Ploskonosova

Abstract. In article questions of interrelation of ethics and business are considered, limitation of the competing standard and valuable and neutral concepts is shown. Proceeding from it the structurally functional approach based on a system evaluation to a paradigm according to which the social and economic processes developing in society are characterized by their functional orientation, cultural and valuable reference points and organizational and institutional forms is presented. The cultural and valuable system is considered as a specific vector which forms key reference points of development of social and economic processes, and in turn, is affected by all other spheres of society. Feature of interrelations of ethics and business in modern conditions, the problems arising at the same time and also ways of their permission is considered.

Keywords: ethics, business, economics, socio-economic transformation, entrepreneurship, normative and value orientation, organizational-institutional system, public policy.

References

1. Sen A. *Ob jetike i jekonomike* [On ethics and Economics]. Moscow, nauka, 1996. 315 p.
2. McCloskey D.N. *Bourgeois Dignity: Why Economics Can't Explain the Modern World*. Chicago: University of Chicago Press. 2010, pp.17-26.
3. Ploskonosova V.P. *Strukturirovanie pravjashhej jelity i formirovanie traektorija social'nyh izmenenij* [Structuring of the ruling elite and the formation of the trajectory of social change]. Omsk, 2008. 193 p.
4. I. van Staveren *Jetika jeffektivnosti* [The ethics of efficiency]. *Voprosy jekonomiki*, 2009, no 12. p. 59
5. Shabanova, M. *Jetichnoe potreblenie v Rossii: profili, faktory, potencial razvitija* [Ethical consumption in Russia: profiles, factors, potential development]. *Voprosy jekonomiki*, 2015, no 5. pp. 75-103.
6. Mizes L. *Liberalizm i klassicheskie tradicii* [Liberalism and the classical tradition]. Moscow, Zh Delo, 1995. 235 p.
7. Baumol' U. *Predprinimatel'stvo: proizvoditel'noe, neproizvoditel'noe i destruktivnoe* [Entrepreneurship: productive, unproductive and destructive]. *Rossijskij zhurnal menedzhmenta*, 2013, Tom 11, no 2. pp.61-84.
8. Ploskonosova V.P., Romanenko E.V. *Delovaja sreda razvitija malogo predprinimatel'stva i formirovanie predprinimatel'skoj renty* [Business

environment for small business development and entrepreneurial rents]. *Vestnik SibADI*, 2012, no 1 (23). pp. 116-120.

9. Solov'ev A.I. Gosudarstvennye reshenija: konceptual'nyj prostor i tupiki teorizacii [State solutions: conceptual space and the stubs of theorization]. *Politicheskie issledovanija*, 2015, no 3. pp. 127-146.

10. Birjukov V.V., Ploskonosova V.P. Sociokul'turnye izmenenija v sovremennom mire: mehanizmy osushhestvlenija [Socio-cultural changes in the modern world: implementation mechanisms]. *Innovacionnaja jekonomika i obshhestvo*, 2015, no 4 (10). pp. 87-93.

11. Chernoj L.S. Predprinimatel'skaja jetika i jekonomicheskoe razvitie: paradoksy sovremennosti [Business ethics and economic development: the paradoxes of modernity]. *Jekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii*, 2014, no 4. pp. 49-63.

12. Credit Suisse Research Institute, 2012, 210 p.

13. Sokolov M.O. poiske finansovyh rezervov dlja uskorenija jekonomicheskogo rosta Rossii [On the search for financial reserves for acceleration of

economic growth in Russia]. *Obshhestvo i jekonomika*, 2015, no 6. pp. 49-75.

14. Birjukov V.V., Ploskonosova V.P. Promyshlennaja politika v uslovijah neoindustrializacii: podhody k formirovaniju [In Industrial policy in the conditions neoindustrialization: approaches to the formation]. *Vestnik SibADI*, 2015, no 3 (43). pp. 84-92.

15. Birjukov V.V., Ploskonosova V.P., Opolev P.V. *Social'nye transformacii i modernizacija rossijskogo obshhestva* [Social transformation and modernization of the Russian society]. Omsk, 2013. 265 p.

Плосконосова Вера Петровна (Россия, г. Омск) – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой «Философия» ФГБОУ ВПО «СибАДИ» (644080, г. Омск, пр. Мира, 5).

Ploskonosova Vera Petrovna (Russian Federation, Omsk) – doctor of philosophical sciences, Professor, head of Department "Philosophy" The Siberian automobile and highway academy (SibADI) (644080, Omsk, Mira Ave. 5).

УДК 629.471

СИСТЕМА СТОИМОСТНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО АУДИТА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ЕЁ АПРОБАЦИЯ

Р.С. Симак, Р.С. Саттаров

Омский государственный университет путей сообщения (ОмГУПС), Омск, Россия.

Аннотация. Авторами предложена комплексная система, позволяющая определить стоимостные показатели процесса энергетического аудита железнодорожных предприятий; её применение позволяет выполнять обоснованные расчеты трудоемкости проведения энергетического аудита. Проведен анализ основных подходов к ценообразованию в сфере энергетических обследований. Представлена система показателей, представленных при определении энергоаудита и методика оценки предельной стоимости энергетического обследования. Приведены результаты апробации данной методики в ОАО «Российские железные дороги», анализ удельной стоимости проведения обследований в расчете на одно структурное подразделение, а также представлена сводная информация по усредненной трудоемкости процесса энергоаудита железнодорожных предприятий.

Ключевые слова: энергетический аудит, ценообразование, трудоемкость, предельная стоимость, энергосбережение.

Введение

Российские железные дороги являются крупной холдинговой структурой по своим показателям входящей в пятерку ведущих железнодорожных компаний мира. По итогам 2014 года ОАО «РЖД» заняло третье место по объему грузооборота, после США и Китая, выполнив свыше 2000 млрд. ткм, и по показателю пассажирооборота – 5 место после Индии, Китая, Стран ЕС, Японии, выполнив работу в объеме свыше 130 млрд пасс.-км [1].

Достижение успешных результатов невозможно без эффективного взаимодействия всех организаций, входящих в структуру ОАО «РЖД», в числе которых, следует особо выделить локомотивное хозяйство, как основной центр формирования доходов от перевозочной деятельности. По итогам 2014 года доходы от грузовых и пассажирских перевозок составили свыше 1 трлн руб. или около 80% от общей выручки компании.